

СЕМИОТИКА И МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ТРУДАХ ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА (ПАМЯТИ УЧЕНОГО)

© 2018 г. В.Я. Петрухин

*Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН;
профессор НИУ ВШЭ
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

Заметка характеризует роль Вяч. Вс. Иванова в исследовании славянской мифологии, методы реконструкции ее структуры. Особое внимание уделяется внедрению методов структурной типологии в исследование архаической славянской традиции.

The essay characterises the role of Vyacheslav Vs. Ivanov in investigating Slavic mythology, and methods of reconstruction of its structure. Special attention is paid to the introduction of the methods of structural typology in the exploration of the Slavic tradition.

Ключевые слова: славянская мифология, балто-славянская общность, структура текста.

Keywords: Slavic mythology, Balto-Slavic community, structure of the text.

DOI: 10.31857/S0869544X0000941-8

Обращение к славянским древностям и даже истокам славянства свойственны славистике как дисциплине, стремящейся определить свои границы. В отношении истоков и доисторической древности эти границы были трудно определимы, особенно когда речь идет о прародине славян и праславянском языке. Для археологов со времен Нидерле была очевидна сложность выделения праславянской культуры из общности «варварских» культур античной эпохи и римского мира к северу от Дуная. В отечественной лингвистике со времен А.А. Шахматова эта общность интерпретировалась как обширная балто-славянская: учитывалось родство славянских и балтских языков. Полемика вокруг степени этого родства и исторических связей славян и балтов продолжается в современной науке (см. работу Вяч. Вс. Иванова о начале этнической истории славян [1. С. 214–215]), но продуктивность сравнительно-исторического анализа этих языков для реконструкции истории и культуры балтов и славян в тот

период, когда «внешние» письменные источники были скудны, безусловна. Пионерами в области этой реконструкции балто-славянской культуры стали Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров.

В 1958 г. В.В. Иванов выступил со статьей, посвященной самому известному персонажу архаической славянской культуры, Перуну, и этимологии имени Перуна в сравнении с именем балтийского громовника [2]. Первая книга соавторов — Иванова и Топорова — «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (М., 1965) основывалась еще преимущественно на славянском материале. Сложное название одновременно «скрывало» содержание книги, посвященной реконструкции древней славянской религиозной системы, и было вызывающим: семиотика и «моделирующие системы» не принимались официальной наукой, не мыслившей никакого моделирования вне производственных отношений и борьбы классов.

Тем временем в мировой исторической науке наметился «лингвистический поворот» — историки обратились к стремлению понимать *язык* своих источников и процессы культурной коммуникации, объединяющие людей разных социальных страт и общностей. Участником и инициатором этого процесса в отечественной исторической науке был А.Я. Гуревич, подвергшийся гонениям за структурализм и отсутствие приверженности ортодоксальному марксизму. Но «процесс пошел», сформировалась тартуско-московская семиотическая школа и в контексте этого процесса следует рассматривать очередную книгу Иванова и Топорова, носившую более понятное для «массового читателя» название «Исследования в области славянских древностей» (М., 1974).

Официальной советской науке чужды были не только лингвистические методы анализа источников — чужда была (и считалась рискованной) проблематика разнообразных «моделирующих систем», особенно религиозных. Это касалось и славян, и России (проблематика не только дохристианских верований, но и церковной истории была не в чести): исключением была разве что опубликованная в годы оттепели (1957 г.) книга С.А. Токарева «Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века», но она не углублялась в славянскую древность и основывалась на данных этнографии.

Монополизировал проблематику славянских древностей Б.А. Рыбаков, чей обширный двухтомный труд «Язычество древних славян» (1981) и «Язычество древней Руси» (1987) возводил славянские архаические культы к археологическим находкам каменного века¹ (недаром двухтомник остается настольной книгой неоязычников). Рыбаков обратил внимание на «Исследования в области славянских древностей», ибо речь там шла об индоевропейской древности определенных имен и культов. Лингвистика мало интересовала автора, увлеченного романтическими кабинетно-этимологическими конструкциями. Парадоксальным образом совпали представления лингвистов и Рыбакова в связи с образом Ярилы, персонажа, популярного в фольклоре и литературе XIX в. и описанного в виде божества весны романтиком Древлянским (см. [3]). Не обошел вниманием Ры-

¹ Об этом направлении поиска Рыбаков заявил еще в своем докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 г.

баков и главного персонажа славянской мифологии — Перуна: он с сочувствием отнесся к его балто-славянской древности, продемонстрированной лингвистами [4. С. 417–420].

Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова интересовала не археологическая древность Перуна, а возможности реконструкции древнего состояния праславянской (балто-славянской) мифологии. Сравнительный анализ балтской и славянской традиций позволял реконструировать не только древние имена божеств, но и отношения между ними (чему на славянском материале была посвящена первая книга соавторов). Так, противник высшего (небесного) Бога в балтийских языках *Вяляс/Велс*, которого преследует громовник, оказался сопоставимым со славянским Волосом (хтонический скотий бог), составлявшим пару с Перуном в древнейших русских текстах — договорах с греками. В реконструкции их противостояние составляло сюжетную основу не сохранившейся в виде мифологических текстов славянской (балто-славянской) мифологии — был реконструирован так называемый основной миф. Как уже говорилось, степень близости двух традиций и единства их мифологии дискутируется, но продемонстрированные в книге опыты индоевропейской реконструкции мифов из сохранившихся языковых «обломков» признаются перспективными (ср. о мифах балтов и славян в индоевропейской ретроспективе [5. Р. 222–238; 6]).

Сравнительно-историческими и типологическими исследованиями в области индоевропейской мифологии с ориентацией на проблемы реконструкции мифологии славянской специально занимался Вяч. Вс. Иванов [7]. Естественно, эти исследования опирались на методы, разрабатывавшиеся в европейской науке: книга 1974 г. «Исследования в области славянских древностей» основывается на подходах К. Леви-Строса, М. Элиаде и в первую очередь Ж. Дюмезиля, чьи работы признавались пионерскими в области реконструкции индоевропейской мифологии. Эти имена были известны отечественным исследователям, но не все работы были доступны, а время переводов еще не наступило.

В 1980-е годы очевидным стал, однако, не только научный, но и общественный интерес к темам, не актуальным с точки зрения официальной идеологии. Этот интерес проявился в событии, которое предшествовало переменам второй половины 1980-х годов. Издание двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» («Мифы»), предпринятое вполне официальным (политически актуальные статьи проходили визирование ЦК и МИДа) издательством «Большая Советская энциклопедия». Подготовка издания началась в «глухие» 1970-е годы, когда я оказался редактором в отделе археологии и этнографии после защиты в 1975 г. археологической диссертации, связанной по теме с мифологическими реконструкциями. Оппонентами на защите были С.А. Токарев и Е.М. Мелетинский — будущие главный редактор энциклопедии «Мифы» и его заместитель.

С.А. Токарев был признанным главой советской школы «религиоведения», наследником классических направлений в эволюционистской сравнительной этнографии: под его редакцией одновременно с первым томом «Мифов» в 1980 г. вышла «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера. Благодаря его давнему участию в научно-редакционном совете издательства БСЭ и дружбе с инициатором издания Е.М. Мелетинским, а также некоторой наивности

издательских властей, считавших «мифы» безопасными и забавными сказками, издание было включено в план. Но структурализма, в том числе трудов К. Леви-Строса, Токарев не принимал, настаивая на методической скудости сведения разнообразных мифо-религиозных структур к основным бинарным оппозициям. Между тем параллельно изданию «Мифов» Вяч. Вс. Иванов готовил «Структурную антропологию» Леви-Строса, которая вышла в «Этнографической библиотеке» в 1983 г. Эпоха переводов наступила, но книжный дефицит не позволял свободно пользоваться переводными книгами («Структурная антропология» вообще предназначалась для служебного пользования в «научных библиотеках»). Энциклопедия «Мифы» была прорывом к «массовому читателю» (хотя оставалась дефицитом и при стотысячном тираже). Разные подходы к проблемам изложения и систематизации мифов приводили к коллизиям в работе редакций и редколлегий: роль «медиатора» играл Е.М. Мелетинский, сдерживавший противоречия внутри коллектива. К обсуждению проблемы на ученом совете Института славяноведения и балканистики были привлечены С.Б. Бернштейн и Н.И. Толстой. «Баталии» по поводу структурализма продолжались и в домашнем кабинете С.А. Токарева: мне довелось принимать в них участие вместе с давним другом Токарева (и моим) Д.С. Раевским: тот писал для «Мифов» раздел по скифской мифологии, целиком основанный на принципах реконструкции мифологической структуры. Необходимо отдать должное С.А. Токареву как подлинному ученому: он не мог проигнорировать мнение своих коллег², разделы, основанные на методических установках структурализма, сохранились в энциклопедии без искажающей редакторской правки.

Не менее сложной была ситуация с проблемами реконструкции конкретных мифологических систем, прежде всего немаловажной для политизированной «Советской энциклопедии» славянской мифологии. Академик Б.А. Рыбаков не был включен в коллектив, готовивший «Мифы». Цикл статей по славянской мифологии писали Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров.

Энциклопедический характер изложения требовал унифицирующих это изложение схем статей, и разработки Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова были положены в основу структуры обобщающих статей по разным мифологиям с выделением разных уровней пантеона, функций культурных героев, представителей низшей мифологии и жречества/шаманства. Эти разработки предопределили статус «редакторов-консультантов» на обороте титула (но не членов редколлегии советского издания на самом титуле). Напомню, что диссиденту Вяч. Вс. Иванову к тому времени власти дали защитить докторскую диссертацию в Вильнюсе, В.Н. Топоров оставался кандидатом наук.

По энциклопедическим нормам статьи по славянской и балтийской мифологиям были разделены. Увлеченному возможностями сравнительного исследования и реконструкции древних мифологий (в том числе славянской), мне, как редактору, удалось настоять тогда на подготовке статьи

² Переживания, связанные с полемикой по поводу структурализма, сохранили дневниковые записи С.А. Токарева: «Благодарим судьбу за встречу с ним: О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке». М., 1995.

«Индоевропейская мифология», которая, как и все статьи по славянской и балтийской мифологиям, были написаны в соавторстве Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова. Большая часть индоевропейских мифологий (пожалуй, за исключением мифов античности) охарактеризована в энциклопедии теми же авторами; Иванов занимался и подготовкой статей по персонажам ближневосточных мифов, включая статью «Илья» (пророк), происхождение которых необходимо было прояснять при посредстве лингвистических реконструкций; Иванов и Топоров подготовили большую часть концептуальных статей, начиная с «Антропологических мифов» (Вяч. Вс. Иванов), работая, в основном, уже по отдельности, но сохраняя единый структурно-семиотический подход к мифологии.

Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров исследовали фольклор/ритуал как часть мифологической/религиозной системы и использовали его для реконструкции праславянской и прабалтийской мифологий. Отсюда характеристика календарных персонажей (Карачун, Купала, Масленица) и даже ритуальных объектов (каравай/коровай) как персонажей мифологических в «Мифах». «Живая» фольклорная мифология была представлена этнографическими статьями по мифологиям «живых» народов мира, но мифологические персонажи славян, балтов и балканских народов характеризовались в рамках доисторических реконструкций. Соавторы настояли на том, что все статьи по славянской и балтийской мифологиям будут идти под двумя подписями, — проблематикой они занимались совместно, но статьи по балтийской мифологии писал в основном В.Н. Топоров. Получилось, что статьи по персонажам балтийской мифологии (особенно низшего — демонического уровня) оказались более «живыми», связанными с «этнографией», чем ориентированные на задачи реконструкции характеристики славянских персонажей.

Ситуация стала меняться с началом подготовки «Мифологического словаря» после успешной реализации энциклопедии «Мифы»: словарь не требовал обобщающих статей по мифологиям, но требовал систематической характеристики персонажей. Ответственным реактором МС стал Е.М. Мелетинский (С.А. Токарев скончался в 1985 г.), Вяч. Вс. Иванов стал членом обновленной редколлегии издания (М., «Сов. Энциклопедия», 1991). Тогда к пополнению словника подключились Н.И. Толстой и С.М. Толстая, раздел по славянской мифологии обогатился статьями по демонологии. В 1980-е годы параллельно с изданием «Мифов» формировалась программа подготовки этнолингвистического словаря «Славянские древности» (проект словника и предварительные материалы были опубликованы в 1984 г.). Новое направление, названное Н.И. Толстым этнолингвистикой, призвано было осуществить синтез возможностей глубинной реконструкции — выявления общих тенденций развития славянских культур и разработки живого метаязыка, объединяющего эти культуры. Вместе с первым томом «Славянских древностей» в 1995 г. коллективом, работавшим над этнолингвистическим словарем, был издан популярный энциклопедический словарь «Славянская мифология»³, предваряемый двумя вводными статьями — обобщающей статьей Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова «Славянская мифология» из

³ Словарь выдержал несколько изданий, в дополненном виде издан по-сербски в Белграде в 2001 г. (под ред. С.М. Толстой и Л. Раденковича).

«Мифов» и статей Н.И. Толстого «Славянские верования». Собственно славянская мифологическая древность, ограниченная практически несколькими упоминаниями имен языческих богов в средневековых источниках, представлена в этнолингвистических изданиях статьями из «Мифов» и продолжает традицию лингвистической реконструкции⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванов В.В.* Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. В.Д. Королук. М., 1982.
2. *Иванов В.В.* К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. М., 1958. Вып. 8.
3. *Петрухин В.Я.* Ярила // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 637.
4. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
5. *Puhvel J.* Comparative mythology. Baltimore, London, 1989.
6. *Гейштор А.* Мифология славян / Пер. с польск. А.М. Шпирта. М., 2014.
7. *Иванов В.В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV.
8. *Михайлов Н.* История славянской мифологии в XX веке / Под ред. С.М. Толстой и В.Я Петрухина. М., 2017.

⁴ См. историографический анализ [8].